

Лукаш Иван. «Чайка». На премьере Русской Драммы // Слово
(Рига). 1926. 4 ноября. № 319. С. 6.

„Чайка“.

На премьеръ Русской Драмы.

Бываютъ спектакли, когда любой зритель, выходя изъ зала какъ бы похлопываетъ театръ по плечу съ высоты своего самодовольства. И такихъ пошлыхъ спектаклей много.

А бываютъ спектакли, когда и зрители, да и улицы, куда выходишь въ ночную темноту, на снѣгъ, да и вся наша жизнь покажутся такимъ ничтожествомъ, жалкимъ, холоднымъ, послѣ огненного дуновения спектакля.

Вчера горячій вѣтеръ истиннаго театра коснулся зрительнаго зала.

«Чайка»... да можетъ быть потому, что вчера снова затрепетала Чеховская «Чайка»...

Самая не Чеховская пьеса. Тутъ меньше всего «чеховщины», чеховскаго быта, дяди Вани...

Чеховъ въ этой молодой, въ этой трепетной «Чайкѣ» касался иныхъ своихъ творческихъ тропъ, толкался въ инныя, и для насъ закрытыя, двери.

Можетъ быть «Чайка» — знакъ тайный, неразгаданный тогда, еще не дожитый нами до конца и теперь. А можетъ быть «Чайка» — это мы, подстрѣленное русское поколѣние... Боже мой, — мы Константины Треплевы и Нины Зарѣчныя.

Съ какой остротой, съ какой громадной чуткостью двигается Чеховъ въ самую глубину нашихъ дней, тотъ Чеховъ, котораго хоронили, сдавали въ архивъ еще въ прошломъ году.

Чеховъ сталъ вдругъ самымъ «современнымъ», самымъ остро-чувствуемымъ, самымъ вѣрнымъ, зовущимъ мастеромъ.

Послушали бы вчера оваціи, затаенно горячее, взволнованное дыханіе переполненнаго зала.

Къ намъ снова идетъ Чеховъ... Но новый, но перешагнувшій трясину мерзости и грѣха, ровище невинной крови, подлое, обезьянье безбытіе, безбожіе, безчеловѣчіе оскотѣлыхъ дней, — новый

громадный изумительно-прекрасный Чеховъ.

Къ намъ снова идетъ благородный человѣческій бытъ. Къ намъ идетъ Россія.

Пусть это только впечатлѣнія, да вѣдь я и не пишу критики.

Замѣчательна — Жихарева, актриса Треплева. Въ тайнѣ таланта актрисы — самая большая — тайна голоса.

Треплева скупая и умная, блестящая и самодовольная, актриса — женщина, но никогда не мать, великолѣпно-старѣющая актриса Треплева... И этотъ изумительно-женственный «жихаревскій» тонъ голоса.

Легкая свѣтлая «Чайка» — Ведринская... Эти быстрыя, эти блѣдныя молніи на лицѣ въ послѣднемъ актѣ, эта мягкая озаренность игры, про которую, кажется, Яблочкова говорила:

— Настоящая актриса во время настоящей игры всегда хорошеетъ.

Вѣрные, тяжело-слезные, полупьяно-страшные тона нашла для Маши Кузьмина. Совершененъ въ своей крошечной роли учителя — Токаревичъ.

Тереховъ былъ вчера простъ, вѣренъ, мягко-взволнованъ, безъ малѣйшей театральности, безъ капли слащавости, —

былъ вчера Тереховъ всѣ четыре акта прекраснымъ и несчастнымъ Костей Треплевымъ.

Грустно-хорошимъ, неторопливо-страдающимъ писателемъ былъ Руничъ. Полонъ, широко задуманъ и данъ старый лохматый Соринъ Де-Бура. Изященъ и вѣренъ докторъ Дорнъ у Барабанова.

Юр. Яковлевъ... Конечно, отставной поручикъ Шамраевъ — это новое художественное произведеніе Юр. Яковлева. И какой гримъ, — да вотъ такого, съ чуть отекившимъ, пьяноватымъ лицомъ, вотъ такого «отставного», таращущаго глаза, всегда чуть «подъ мухой» — встрѣчалъ гдѣ-то и я.

Постановка Незлобина — проста и насыщена.

«Чайка» — новый красивый и твердый шагъ Театра Русской Драмы къ тому истинному театру, который не только зрѣлище для мѣняющейся сегодняшней толпы зрителей, а и театръ надсовременный, дающій зрителю стиль, театръ, утверждающій среди зрителей свою творческую эпоху, — къ тому театру, о которомъ когда-то говорили и еще скажутъ:

— Храмъ.

Иванъ Лукашъ.